

РЪЧЬ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

на год	в р.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
въ Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
за границу	20 р.	10 р.	5 р.	2 р.

Студенты, учителя, учительницы и сельскіе священники, обращающіеся изъ Россіи непосредственно въ главн. контору, пользуются скидкой въ 25% съ подписной цѣны. За границу же имъ дѣлается скидка въ 10%. Начальнымъ срокомъ подписки можетъ служить лишь первое число каждаго мѣсяца. Въ кредитъ и наложеннымъ платежомъ газета не высылается. Книгопродавцы, книжки, потребительныя общества, комисіонныя конторы и др. посредники по приему подписки удерживаютъ въ свою пользу съ подписной цѣны 5%. ПЕРЕМѢНА АДРЕСА петербургскаго на петербургскій—бесплатно, въ остальныхъ случаяхъ—30 к. (можно присылать почтовыми марками). При перемѣнѣ русскаго адреса на заграничный доплачивается разниа между подписной цѣной въ Россіи и за границей. При возобновленіи подписки, перемѣнѣ адреса и всякаго рода справкахъ необходимо представлять печатный адресъ или указывать адресъ и № подписной квитанціи. РЕДАКЦІЯ, ГЛАВН. КОНТОРА, ЭКСПЕДИЦІЯ И ТИПОГРАФІЯ Спб., ул. Жуковскаго, 21. Адресъ для телеграммъ: Спб., Рѣчь. Телефонъ редакціи № 799. Телефонъ главной конторы и экспедиціи № 245—04. ГОРОДСКІЯ КОНТОРЫ: 1) Спб., Невскій пр., 80, д. Учетн. Банка. Телеф. № 787. 2) Спб., Кирочная, 24, кв. 21. Телеф. № 3383. РЕДАКЦІЯ открыта съ 2 до 4 ч. КОНТОРЫ И ЭКСПЕДИЦІЯ открыты съ 10 до 5 ч. По воскресеньямъ и въ дни двенадцатыхъ праздниковъ онѣ закрыты. ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. МЕТЦЛЪ и К°, Спб., Морская, 11, телеф. № 989. МОСКВА—Мясницкая, д. Сытова; ВАРИШАВА—Краковское предместье, 53, и въ городской конторѣ газетъ „Рѣчь“ и „Реформа“, Спб., Невскій, 30, д. Учетнаго Банка, телеф. № 787. Понедѣльн. и неотложныя объявленія могутъ быть сдаваемы въ типографію „Слово“, ул. Жуковскаго, 21 (наборная газетъ „Рѣчь“). ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ за мѣсто, занимаемое строкою непременна: впереди текста—50 к.; позади текста—25 к.; предложение труда—15 к. За объявленія въ видѣ вкланыхъ приложений къ газетѣ въ томъ же мѣстѣ, занимаемомъ строкою непременна: впереди текста—50 к.; позади текста—25 к.; предложение труда—15 к. За объявленія въ видѣ вкланыхъ приложений къ газетѣ въ томъ же мѣстѣ, занимаемомъ строкою непременна: впереди текста—50 к.; позади текста—25 к.; предложение труда—15 к.

№ 224 С.-Петербургъ, Четвергъ, 23-го ноября (6-го декабря) 1906 г.

Въ этомъ номерѣ 6 страницъ

Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи 5 коп.

ТРЕБУЙТЕ

КОНЬЯКЪ

ШУСТОВА

ВЕЗДѢ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г. НА
„РѢЧЬ“ и **„РЕФОРМА“**,
выходящія въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи
П. Н. МИХАЙЛОВА и **И. В. ГЕССЕНА**.
Газета „Реформа“ пользуется матеріалами, помещаемыми въ газетѣ „Рѣчь“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Газеты „РѢЧЬ“ и „РЕФОРМА“:

въ Россіи на годъ—12 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. 50 к.; за границу на годъ—20 р., 6 мѣс.—10 р., 3 мѣс.—5 р., 1 мѣс.—2 р. 50 к.

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору предоставляются слѣдующія скидки съ подписной цѣны:

1) учителямъ, ученикамъ и сельскимъ священникамъ на газ. „РѢЧЬ“ въ Россіи—25%, за границу—10% и на газ. „РЕФОРМА“—10%.

2) службамъ въ правительствѣ, обществѣ и крупныхъ торговыхъ-промышлен. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ назначеннаго и дипломированнаго агента—10%.

3) книгопродавцамъ, книжкамъ, агентамъ, комисіонерамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5%.

Въ кредитъ и наложеннымъ платежомъ газетъ „Рѣчь“ и „Реформа“ не выносятся.

Редакция, Главная Контора, Экспедиція и Типографія: С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21. Адресъ для телеграммъ: Спб., Рѣчь. Телефонъ редакціи № 799. Телефонъ главной конторы и экспедиціи № 245—04.

Городскія конторы въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, 80, д. Учетнаго Банка. Телеф. № 787. 2) Кирочная, 24, кв. 21. Телеф. № 3383.

Адресъ почтовый и розничная продажа обихъ газетъ производятся также въ болѣе мелкихъ книжкахъ и провинціальныхъ книжкахъ, магазинахъ, книжкахъ, комисіонныхъ конторахъ и другихъ т. п. учреждений.

Издатель Ю. Б. БАНЪ.

Въ главной конторѣ газетъ „РѢЧЬ“,
Спб., ул. Жуковскаго, 21, продаются полные комплекты приложенія къ этой газетѣ
„Государственная Дума“. Это приложеніе издается при газетѣ съ
№ 66 отъ 28 мѣсяца, по № 120 отъ 8 іюля. Въ немъ заключаются подробныя, въ оль-
шинствѣ случаевъ стенографическій отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ бывшей Государ-
ственной Думы.

Цѣна комплекта „Государственной Думы“ съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

НОВАЯ ОПЕРА Театръ „АКВАРИУМЪ“.

Большой Залъ Консерваторіи.
шесть симфоническихъ концертовъ.
въ субботу, 25-го ноября, третій концертъ подъ управленіемъ С. Т. Аббади.

Ж. Жерарди (виолончель).

ПРОГРАММА: Листъ, „Les préludes“, Шопенъ, „Zarathustra“, Сент-сансъ, концертъ для виолончели (посл. Н. Жерарди), Бельмалъ, „Variations symphoniques“ (въ 1-й разѣ) (посл. Н. Жерарди).

Акомпанируетъ М. Т. Дуловъ. Начало въ 8 час. вечера.—Роль Н. Жерарди. Продажа разовыхъ билетовъ въ 1 р. 70 коп., до 6 р. 20 коп., а также оставшіеся обшественныя би-
леты (на 4 концерта) въ магазинѣ Н. М. ШРЕДЕРЪ, Невскій, 52, противъ Публичной библиотеки.
Генеральная репетиція состоится въ пятницу 24-го ноября въ 9 часовъ утра.

Новое (посмертное) изданіе С. И. СОКОЛОВА:
УСТАВЫ ОБЪ АКЦИЗНЫХЪ СБОРАХЪ.
Въ трехъ частяхъ. Цѣна 6 руб. безъ пересылки. 5142

Въ магазинахъ М. КОНРАДИ
24-го ноября с. г.
Конфетки въ 1 руб. и 1 руб. 50 коп. будутъ опущены въ нашинки, специально для этого
дня приготовленныя коробки. М. КОНРАДИ. 5129

ПРЕДОТВОРЕНИЕ

Для устраненія случаевъ злоупотребленія члн-
торами торговъ ми названіемъ нашей фирмы,
считаемъ необходимымъ рекомендовать жела-
ющимъ приобрести часы нашей фабрики обратитъ
особенное вниманіе на то: помещены ли на пре-
лагасмыхъ карманныхъ часахъ въ издѣланныхъ
на нихъ клеймахъ и надписяхъ на французскомъ языкѣ, ПЕ-
РЕДЪ ФАМИЛЕЮ MOSER & Co, буквы „М“, такъ какъ
только съ такими клеймами и надписями часы являются
дѣйствительно издѣліями нашей фабрики.

Магазины Г. Мозеръ и К° имѣются
только

въ С.-Петербургѣ, Невск., пр., 26.
въ Москвѣ, Ильинка, 14;
на Нижегород. ярмаркѣ, на Главной площади.

РОССІЙСКОЕ

Мы понимаемъ всю ядовитость этого вопроса „Нов. Вр.“, оно чрезвычайно искусно обмануло ахиллесову пятю министерства и уязвило его очень больно. Дѣйствительно, нельзя не признать, что такой шагъ шелъ бы въ разрѣзъ со всѣмъ направле-
ніемъ дѣятельности кабинета, обна-
руживалъ бы его непослѣдователь-
ность.

Въ большомъ смущеніи мы оста-
навливаемся также передъ 87 ст.
основныхъ законовъ, которую теперь
выдвигаетъ „Нов. Вр.“ и которой
насъ уже поддразнивала раньше
не могла удержать кабинетъ роспу-
ска госуд. думы отъ глубочайшаго
переворота во всемъ укладѣ крестьян-
ской жизни, послѣ того, какъ, не-
смотря на эту статью, министерство
распорядилось земельнымъ фондомъ,
послѣ того, какъ этими законами со-
зданы величайшія почти безвыход-
ныя затрудненія для народныхъ
представителей—самая пора насту-
пила вспомнить о 87 ст., разъ рѣчь
заходитъ даже о минимальномъ об-
легченіи наиболее угнетенной, наибо-
лье страдающей группы населенія.

Но вопросъ все-таки не въ этомъ,
есть препятствія, гораздо болѣе
серьезныя, нежели 87 ст., съ которой
министерство справилось болѣе чѣмъ
легко и просто. Важно то, что въ
этой борьбѣ противъ евреевъ трюа-
тельно объединились „Новое Вр.“ съ
„Русскимъ Знаменемъ“ и прямо го-
вятъ погромы, если какая-нибудь
реформа будетъ проведена въ пользу
евреевъ.

„Народъ, такъ долго ждавшій,
этотъ русскій народъ, неразрывный,
конечно, съ арміей, почувствуетъ въ
самомъ نابолѣвшемъ національномъ
вопросѣ, что его предатели, его бро-
сили, что у него никого нѣтъ... Тогда
надо будетъ ждать, что явленія по-
наст и черезъ думу 6 августа, и черезъ
17 октября къ устраненію тѣхъ основ-
ныхъ законовъ, къ защитѣ которыхъ онъ
призывалъ.

И тѣмъ не менѣе предъ всякимъ, кто
поборолъ бы систематизировать разно-
образныя явленія, которыми подарила
насъ годъ практическаго припріенія но-
вой политической доктрины, именуемой
„самодержавнымъ конституціонализмомъ“,
и возвести ихъ въ общіе принципы,
невольно встанетъ вопросъ: чѣмъ начала
болѣе живы въ русской дѣйствительности,
начала манифеста или начала рескрипта?

Отвѣты сами себя на этотъ вопросъ,
и вы убѣдитесь, что отдавать манифестъ
18 февраля исторіи рано. Прежде всего,
что касается фактовъ,—многіе ли изъ за-
коновъ, регулирующихъ жизнь гражданъ
на конституціонной Россіи изданы по раз-
рѣшенію и обсужденію ихъ доверіемъ на-
рода обличенными людьми? Число такихъ
законовъ извѣстно, оно выражается въ
цифрѣ 1. Да и эта единица относится къ
законамъ циркулярному, на частный случай
изданному. А съ другой стороны, чѣмъ
какъ не борьбой противъ дерзновенныхъ
послѣдствій на „устои“, противъ по-
пыткъ „учредить новое управленіе стра-
ны на началахъ, отечеству нашему пе-
чально собственнымъ, занимаемся уже второй
годъ правительствомъ конституціонной Россіи?
Правда, эти несостоятельныя нашему отеч-
еству начала называются теперь иначе,
чѣмъ полтора года тому назадъ. Тогда
они назывались началами конституціо-
нализма, теперь ихъ называютъ началами
парламентаризма, по сути дѣла отъ этого
по мѣняется. Какъ и тогда, есть внутрен-
няя смута, какъ и тогда, имѣются на-
ло злоумышленныя волни мятежнаго дви-
женія, какъ и тогда, правительство сто-
я на стражѣ устоевъ и зоветъ на по-
мощь себя благочестивыхъ людей.

Намѣнились этикетки, по сути осталась
та же, и что дѣло обстоитъ именно такъ,
въ этомъ лучше всего убѣдиться путемъ
опредѣленія и учета тѣхъ „направленій“,
тѣхъ „идеологій“, которыми обуславлива-
ются дѣла.

дѣлахъ могутъ въ сезонныхъ производ-
ствахъ, а также въ зависимости отъ
мѣстныхъ условій жизни производиться на
два часа въ сутки (сверхъ общей 10-ти
часовой нормы дѣйствительнаго рабочаго
времени) въ теченіе однако не болѣе
шестидесяти дней въ году.

Удлиненіе рабочаго времени для сезон-
ныхъ производствъ намъ понятно и оно
можетъ быть необходимо. Но удлиненіе
„по мѣстнымъ условіямъ жизни“ не вы-
держиваетъ критики. Въ этомъ вопросѣ
должны имѣть рѣшающее значеніе условия
производства какъ такового, а не то, что
оно ни совершалось, а не условия мѣст-
ной жизни вообще. Въ концѣ концовъ
эти „мѣстныя условия жизни“ при несо-
здательности и неорганизованности ре-
месленныхъ рабочихъ могутъ свестись къ
голому усмотрѣнію городскихъ и земскихъ
учрежденій или губернаторовъ. И это
усмотрѣніе при указанныхъ условіяхъ
легко можетъ явиться простымъ выра-
женіемъ односторонней воли хозяевъ.

Воскресный отдыхъ ремесленныхъ рабо-
чихъ и п. сѣ закона 15 ноября въ осно-
вѣ своей регулируется ст. 430 уст. о пром.,
которая воспрещаетъ работать въ
воскресный день и двенадцатые праздни-
ки „безъ необходимой нужды“.

Органы, которымъ законъ поручилъ
составленіе обязательныхъ постановленій
въ его развитіе, предоставлено регулиро-
вать ими и вопросъ „о разрѣшеніи про-
изводить работы въ воскресные дни и
двенадцатые праздники въ сезонныхъ
производствахъ и въ случаяхъ необходи-
мой нужды (ст. 430 уст. о пром.) съ
тѣмъ, чтобы такая работа продолжа-
лась не болѣе восьми часовъ въ сутки“
(ст. 5, п. г.). Вѣсто этого сохранился
ст. 430, восполненной и раздѣленной
обязательными постановленіями, законъ
долженъ былъ бы общими правилами для
всѣхъ ремесленныхъ заводовъ постановить
недѣльный отдыхъ, который восполненъ
по въ возможно болѣе короткий срокъ
долженъ былъ бы быть доведенъ до 36
часовъ. Эти 36 часовъ могли бы быть

В Риге обнаружены склады оружия и тайная типография. Произведены аресты.

В Гомбурге обнаружена тайная типография.

В Петербурге совершено покушение на бывшего блудостского пристава Шереметова. Убийца покончил с собою.

Произведены нападения: в Киев — на квартиру банкира Гальперина; в Радзивилов — на помещика Франека; в сел. Росокотин, под Киевом — на квартиру крестьянина.

К характеристике русской интеллигенции.

Быть может, еще не все читатели забыли любительские размышления о «мещанстве и русской интеллигенции» Мережковского и проф. Овсянко-Куликовского, печатавшиеся прошлой зимой в «Поларной Звезде» («Пол. Зв.» № 1 и 3). Правильному мещанству, в котором потонула вся европейская цивилизация, Мережковский противопоставляет «небывалое, единственное в мире, общество, или сословие, или касту, или вбру, или загостор» — русскую интеллигенцию, — ту интеллигенцию, которая дала Толстого и Достоевского, декабристов и революционеров, интеллигов и мистиков. В разряд Мережковского, проф. Овсянко-Куликовский указывал, что мещанство, понимаемое, как узость и неоригинальность духовной жизни, как растворение личности в безличной среде, есть общественное явление — *menschliches*, *alles menschliches*! — присущее всякой среде и всякой социальной группе, и что в этом отношении то «небывалое общество», которое зовется «русской интеллигенцией», не составляет принципиального исключения. Оба писателя, каждый с своей точки зрения, были безусловно правы, и главный интерес этих статей состоял не в решении, а в самой постановке вопроса, в сопоставлении понятий «мещанства» и «интеллигенции».

Недавно вышедший любопытный и обстоятельный двухтомный труд, всецело посвященный этой теме. Это — книга г. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли», несущая характерный подзаголовок: «Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века». Автор задается целью проследить мотивы «индивидуализма» и «мещанства» в истории русской общественной мысли, начиная с екатерининской эпохи и кончая нашим временем. Однако его работа носит не исторический, а преимущественно философско-публицистический характер: происхождение и историческая связь общественных течений не представляют для него самостоятельного интереса; исторические данные служат ему лишь канвой, в которой он проследивает разнообразные узоры и комбинации основных, интересующих его, философских мотивов.

Центральным понятием книги, на котором сосредоточиваются все ее мысли, является понятие *мещанства* в этическом смысле, и в этом — отнюдь не сразу же — состоит ее достоинство. Понятие мещанства берется в значении, приданном ему Герценом, т. е. не как экономическая, а как мо-

ральная или культурно-философская категория. Это понятие, — говорит автор, — шире понятия буржуазии, «так как выделенность и автономность являются его характерными признаками». «Мещанство — это *жесткая, плоская и безличная* форма, плоскость содержания и безличность духа; иначе говоря, не имея определенного содержания, мещанство характеризуется впадою определенным отношением к какому-либо предмету: к нему было содержание; самое глубокое оно деляет самым плоским, самым широким — самым узким, резко-индивидуальное и яркое — безличным и «тусклым». Мещанство — это *трафаретность*, символы мещанства — это «быть как все»; мещанство, как группа, есть поэтому та «сложная посредственность» (*conglomerated mediocrity*, по терминологии Герцена) — выражение Милля, которая всюду и всегда составляла толпу, доминирующую в жизни» (курс. под.).

Вся история русской общественной мысли или тождественная с ней, по мнению автора, история русской интеллигенции рассматривается г. Ивановым, как сложная борьба с мещанством в указанном смысле. Такое этическое или философское истолкование общественных течений, вместо обычного социального или политического, является ценной новостью и свидетельствует об изыскательской деятельности автора. Но в теснейшей связи с этим ярким мотивом является ясно ощущаемая и в некоторой неправильности постановки вопроса. «Мещанству» автор противопоставляет, с одной стороны, философскую категорию *индивидуализма*, с другой стороны — реальное общественно-историческое явление — *русскую интеллигенцию*. Уже с чисто логической точки зрения тут очевидна погрешность — отсутствие определенного принципа классификации. Гораздо важнее, однако, что это противопоставление есть результат не только формально-логического lapsus, но и непродуктивности и неясности в понимании существа вопроса. Если бы понятие *интеллигенции* было модифицировано параллельно видоизменению понятия «мещанства», если бы на место его обычной группы, было поставлено понятие интеллигенции, как идеального собирательного названия для всех людей, обладающих оригинальной духовной жизнью или стремящихся к торжеству индивидуализма — тогда и только тогда было бы правомерно противопоставление «интеллигенции» «мещанству». В противном случае этому автору даже особенно забавливо подчеркивать социально-исторический характер понятия интеллигенции: интеллигенция есть «определенная общественная группа», и притом группа «преемственная», суще-

ствующая «с середины XVIII века»; возраст этой группы определяется приблизительно в полтора столетия. Сообразно с этим, хотя мещанство пополняется всеми классами и сословиями, но в состав его не входит лишь одна социальная группа — именно эта интеллигенция.

Позволительно усомниться в реальности подобной неведанной социальной группы, которая почему-то именно полтора столетия тому назад родилась для борьбы с всеобщим злом человеческой жизни — узостью, посредственностью и безличностью, и которая сама, в противоположность всем другим группам, классам и слоям, абсолютно чиста от этого общественного зла. Позволительно утверждать, что такой группы никогда не существовало и существовать не может — по той простой причине, что не только полное отсутствие оригинальности и развитой индивидуальности, но даже действительное понимание этих ценностей и вкус к ним могут быть присущи лишь отдельным личностям, и никогда не могут составлять монополи какой-либо социальной группы. Очевидно, что, незаметно для самого себя, г. Иванов-Разумник поднимает понятие борьбы с «этическим мещанством» понятием оппозиции против сложнейшей среды, т. е. понятием общественного протеста вообще, и таким путем приходит вместе с Лавровым к наивной конструкции интеллигенции, как собрания «бритических мыслящих» и «творческих личностей» — конструкции, в которой этические, интеллектуальные и политические черты сливаются в одно смутное, расплывчатое целое.

Пора уже, думается нам, оставить это идеологическое представление о русской интеллигенции, как о какой-то идеальной республике личностей, одаренных сверхчеловеческими добродетелями, чуждыми всякой обыденности («мещанства») и полных творческими замыслами. Пора признать, что, несмотря на все культурно-психологическое своеобразие русской интеллигенции и на все ее морально-политические заслуги, она все же есть лишь историческое, и, стало быть, человеческое явление, которому не чужды человеческие слабости, и которое поэтому не может рассматриваться, как живое воплощение этического идеала. И пора, кажется, начать искать этот идеал не в «русском интеллигенте», а в «человеке»!

Нам возражают, быть может, фактически мы указываем — содержащиеся, например, в отрывочной выше статье Мережковского, — что русская интеллигенция есть действительное явление, казавшееся, единственно в своем роде группа по тому общему людям оригинальным, независимо мыслящим и духовно свободным. кото-

рое она составляет. В известных пределах это указание вполне верно. «Мыслимый русский» — говорит еще Герцен — самый независимый человек в мире». Факт этот объясняется, как нам приходилось уже говорить в другом месте, слабостью культурных традиций и всякого рода «устоя» в русской жизни, благодаря чему личному творчеству открыты у нас более широкие просторы, чем где бы то ни было. Но в этом отношении необходимо и в высшей степени важно отличать два совершенно различных понятия интеллигенции, слитые у г. Иванова-Разумника: интеллигенцию в широком и узком смысле. Интеллигенция в широком смысле есть чисто идеальное собирательное понятие совокупности лиц, обладающих оригинальным духовным складом, углубленными и расширенными познаниями жизни. Г. Иванов-Разумник, повидимому, исходит вначале именно из этой категории. «Для истории русской интеллигенции — говорит он — Пушкин или Чехов имеют не меньшее значение (мы сказали бы: большее! С. Ф.), чем Пестель или Бакунин». Самыми типичными образами и образцами русской интеллигенции в этом смысле являются Пушкин, Лермонтов, Белинский, Герцен, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов. Интеллигенция же в узком смысле есть действительная социальная группа, пародировавшая лишь в 60-х годах, тесно сплоченная и психологически весьма однородная группа отщепенцев и политических радикалов, канов которой подготовлялся радикальной журналистикой 60-х годов и была окончательно составлена, главным образом, Лавровым. Как бы ни отнестись к этой «интеллигенции», нельзя не отметить глубокого, коренного различия между ними, и потому попытку г. Иванова-Разумника слить характерные черты той и другой в один общий тип следует признать неосуществимой вообще и особенно несостоятельной с той точки зрения, на которой стоит автор.

Дело в том, что эта «вторая» интеллигенция решительно чужда того этического признака, который г. Иванов-Разумник берет критерием для понятия «интеллигенции». Она вовсе не борется с «этическим мещанством», с объединенностью, неоригинальностью и некрасивостью жизни. Самая типичная черта ее мировоззрения — это замкнутая философско-эстетическая и эстетико-этическая позиция понятиями и идеалами морально-политическими и — еще уже — социально-политическими. Самая характерная психологическая ее черта — это внутренняя сплоченность, идейная солидарность и вытекающий отсюда консерватизм, поглощение

личности традициями группы, т. е. именно «мещанство» в том смысле, который придает этому понятию г. Иванов-Разумник. Поэтому не только невозможно отождествлять или сливать ее с интеллигенцией в широком смысле, но, наоборот, следует признать некоторым стойким мотивом истории русской культуры глубокой и трудно преодолимой антагонизм между этими двумя интеллигенциями.

Факты налицо, и их не забывают скрывать. Герцен называет эту «новую интеллигенцию» «поточками Аракчеева» и «Собакевичами революции», Тургенев не может с ней примириться и осмивает ее в «Гейдельбергских арабесках» «Дым», Достоевский казнить ее в «Бесах», Толстой от нее отрекается, Чехов ее не терпит и перефразирует ее в цблом ряде образов (теща профессора в «Дяде Ване», «Дом с мезонином», «Хорошие люди» и др.). «Интеллигенция» в узком смысле платит им той же монетой. Известно враждебное отношение радикалов 60-х годов к Герцену и Тургеневу; Пугачев, при всеобщем одобрении, развешивает Пушкина; Михайловский, типичный философ публицист этой «интеллигенции» в узком смысле, бранит Чехова за мнимый общественный индифферентизм и находит в Достоевском только «жестокую талант», сбившийся с истинного пути утешения «блудных людей» и «униженных и оскорбленных». Толстой, общепризнанный художественный гений, решительно отвергает, как мыслитель и моралист.

Все это только примитив, из которых каждый имеет свое собственное значение, свой индивидуальный смысл, но которые, вместе взятые, достаточны, чтобы обрисовать пропасть между двумя «интеллигенциями». Несомненно, что вина в этом взаимном непонимании лежит на обеих сторонах: доктринерской узости омертвившей в «политизм» радикальной интеллигенции противостоять однообразие, мещанская этическая индивидуальность справедливо отнестись к реалистической социально-политической стороне жизни. В общем, однако, мы полагаем, что роль «интеллигенции» в узком смысле в значительной мере сыграна и что она живет лишь устаревшими традициями, тогда как «интеллигенция» в широком смысле имеет некоторое вечное значение и только начинала в наше время оказывать более глубокое влияние на умы. Во всяком случае бесспорно одно: г. Иванов-Разумник совершенно не сознает того разрушительного, по отношению к старым интеллигентским традициям, значения, которое имеет его формула борьбы против этического мещанства за индивидуализм. Одно из

двух: или надо остаться при старых ценностях, сводящих смысл всей жизни к политической и социальной борьбе, или, приняв философско-эстетический критерий, надо перестраивать господствующую вбру и морально-психологическую физиономию «интеллигенции» в узком смысле. Г. Иванов-Разумник не осознал этой дилеммы во всей ее остроте, и постоянно сбивается с одного понимания на другое. Об этом свидетельствуют, между прочим, такие его мысли, как напр. признание Михайловского ярким «индивидуалистом» или внесение Достоевского и Толстого (схваченного оговоркой об их исключительном художественном гении) в разряд «семидесятиников» и «эпигонных народничества (хотя в остальном оценка этих мыслителей свидетельствует о редкой вдумчивости). Любопытно, что втра Михайловского, не смотря на его отвлеченный «индивидуализм», по существу совпадает именно с принятой г. Ивановым формулой «мещанства»: Михайловский усматривал, как известно, идеал в абсолютном всеобщем равенстве, не только политическом и социальном, но и культурном, и решительно отказывался понимать идеи Герцена, Милля и Вильгельма Гумбольдта о ценности своеобразия и оригинальности личности, т. е. всем людям предлагал «быть, как все».

Такая неосведомленность и противоречия можно найти почти в каждой главе книги г. Иванова-Разумника. Все они вытекают не только из непродуктивности основных предпосылок, но и из некоторой робости, с какою автор прибегает к своим новым критериям, к опытам традиционных вбраний русской интеллигенции. Обидно видеть, как широкий размах как то вдруг ссыкается, как понятие интеллигенции, охватившее сначала Пушкина и Лермонтова, сводится в конце к знакомым буквам с.-д. и с.-р. Мы пожелаем бы автору побольше смелости, поменьше «мещанских» добродетелей «умеренности и аккуратности» в его анализе и критике.

Но если г. Иванов-Разумник останавливается на полпути, то все же он стоит на хорошем пути, и мы надеемся, что он пойдет по нему дальше. Самопроверка и самокритика — вот то, что нужно всего сейчас для русской интеллигенции, для всех нас. Посвященная этой теме вдумчивая и серьезная книга г. Иванова-Разумника, несмотря на все ее несовершенство, сослужит вбродно хорошую службу: читатель, которого эта книга натолкнет на новые мысли, быть может, вынужден будет сам пойти дальше, чем решает идти ее автор.

С. Франк.

ФРАНЦИЯ. — Инструкции епископов.

В виду приближения 12 декабря (п. с.), когда церковные имущества, управляемые «фабриками», должны быть ссеквестрованы, согласно закону об отделении церкви от государства, и затмь переланы в распоряжение коммун, католические епископы (архиепископы Руана, Ренна, Тулузы, епископы Нанта, Байонны, Сент-Флура, Олена, Гренобля и др.) разослали инструкции «фабрикантам» (членам советов «фабрик») относительно порядка передачи церковного имущества в руки светских властей. «Фабрикантам» рекомендуется принять более или менее азлогичный мбр по ликвидации церковных долгов, а также по составлению отчетности церковных казнь. В заключение, все архипастыри рекомендуют «своим овцам» вынести в последние застдани революцию с выражением преданности св. отцу и покорности епископским указаниям. Кроме того, епископы строго напоминают о полном запрете для католиков принимать какое-либо участие в вбронисованных ассоциациях, требующих законом об отделении, а равно и оказывать им какое-либо содействие.

МОСКВА.

(По телефону).

22-го ноября.

Похороны В. А. Гольцева.

22-го ноября, Москва хоронили Виктора Александровича Гольцева. Опшвание тела происходило в арбатской церкви св. Николы на Песках. В церковь собрались профессора университета, литераторы, артисты, члены партии народной свободы, сотрудники всех прогрессивных московских изданий, много студентов и др. На гроб покойного В. А. была возложена масса вбнок с различными написаниями, отбвзавшими свободу, доброту, его борьбу за правду и справедливость, причем были вбны от университета, политический клуб, Малаго и Художественного театров, психологического общества, общества народных университетов, всех московских прогрессивных газет и журналов, партии народной свободы, женщины с вбписью «защитнику и поборнику равноправия женщин» и в. др. Процессия из церкви направилась к Баганьевскому кладбищу, где и состоялось погребение. На могилах прозвучали вбны присяжки вбвренными вбвниками, указавшим на то, что покойный всегда являлся сторонником национальной самостоятельности, и врагом всякого угнетения чуждой национальности.